

С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов

ПРОБЛЕМА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ЭТНИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ

Идентификация археологических памятников с соответствующими этносами и их культурами является одной из старых и больных проблем археологии¹. Она важна не только для самих археологов, но и для специалистов разных дисциплин, так или иначе соприкасающихся с проблемами этногенеза и глоттогенеза, т. е. для антропологов, лингвистов, этнографов, историков первобытности. Никто из них не может обойтись без прямого или косвенного обращения к соответствующим археологическим материалам и к проблеме их этнической интерпретации. Тем не менее и с методической и с практической точек зрения она еще весьма далека от своего решения. Некоторые археологи по-прежнему считают возможным прямолинейно отождествлять соответствующие структурные единицы археологической систематики с этносами или его различными таксономическими подразделениями. Например, В. В. Седов, много и плодотворно работающий в области комплексного исследования славянского этногенеза, полагает, что «археологические культуры, если они выделены на основе достаточных фактов, как правило, этничны... Исследователи почти всегда могут определить, этнична или многоэтнична та или иная археологическая культура, и выявить племенные компоненты многоэтничных культур»². Е. Е. Кузьмина утверждает, что «археологи и этнографы обычно предполагают тождество археологической культуры и этноса; за культурой видят племена, за археологической общностью — союз родственных племен»³. Приписывать подобные взгляды этнографам просто неверно. Но и у многих археологов они вызывают серьезные возражения⁴.

При этом дискуссия в основном концентрируется вокруг вопросов, связанных с сущностью самой археологической культуры (далее — АК) и стоящей за ней объективной реальности⁵. Вопросы, связанные

¹ Краткую историографию вопроса см.: А. Л. Монгайт. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973; Н. J. Eggert. Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959.

² В. В. Седов. Ранний период славянского этногенеза. — «Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев». М., 1976, с. 82.

³ Е. Е. Кузьмина. Историзм археологии. — «Конференция „Историзм археологии: методологические проблемы“. Тезисы докладов». М., 1976, с. 27.

⁴ См., например: А. Л. Монгайт. Археологические культуры и этнические общности. — «Народы Азии и Африки», 1967, № 1; Г. Е. Арешян. Культурно-исторический подход к изучению этнических общностей в археологии. — «Методологические проблемы исследования этнических культур». Ереван, 1978; Л. С. Клейн. Археология и этногенез (новый подход). — Там же; С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения. — «Проблемы типологии в этнографии». М., 1979.

⁵ См., например: А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре. — «Сов. археология», 1964, № 4; И. С. Каменецкий. Археологическая культура — ее определение

со спецификой этносов в различные эпохи и с характером этнического развития, не привлекают к себе в этой связи должного внимания, а подчас даже не считаются дискуссионными.

Между тем, по нашему мнению, этногенез является комплексной историко-этнографической проблемой, а этническая интерпретация археологических материалов лежит на стыке двух наук — археологии и этнографии. Поэтому, вне зависимости от профессиональной принадлежности исследователя, по самой своей сущности она является не чисто археологической, а комплексной — археолого-этнографической. Соответственно эта проблема упирается в два круга вопросов.

Первый из них — это сущность АК, центрального понятия советской археологической науки. Вокруг этого понятия в настоящее время ведется довольно оживленная дискуссия, излагать которую здесь едва ли стоит⁶. Ограничимся некоторыми соображениями по данному вопросу.

Вопрос о понимании АК во многом зависит от понимания культуры в целом. Хотя по этому вопросу также ведутся бесконечные дискуссии⁷, большинство советских этнографов и ряд философов сейчас склоняются к тому, чтобы понимать под культурой совокупность способов и результатов деятельности, специфической для человека⁸. Разнообразные локальные культуры, имеющие определенное место в пространстве и времени, принадлежат различным и разнотипным по своей структуре человеческим общностям, коллективам, группам и т. д., как этническим, так и неэтническим, например социальным, конфессиональным и пр. Все они во многом определяются и тем, в какой форме в них институционализируются те или иные аспекты деятельности. При таком понимании культуры становится ясным, что АК представляет собой лишь совокупность некоторых компонентов данной локальной культуры, притом даже эти компоненты представлены в неполном, фрагментарном виде⁹. Например, такие компоненты культуры, как самоидентификация, язык, морально-этнические и правовые нормы, системы родства, фольклор и многие другие элементы духовной культуры, если и могут найти отражение в АК, то далеко не всегда и лишь косвенным образом, как правило не поддающимся однозначной интерпретации. Между тем можно найти немало локальных и притом этнически окрашенных культур, которые различаются между собой именно по перечисленным параметрам, будучи тождественными или очень близкими, во всем, что относится к сфере материальной культуры. Примером могут служить береговые чукчи и азиатские эскимосы, известные по этнографическим материалам XVIII — начала XX в.¹⁰

Угандийские бвемба имеют общую материальную культуру, общие обычаи и даже общее самоназвание. Однако отдельные группы бвемба говорят на различных языках, принадлежащих порой даже различным языковым группам¹¹, а археологические методы их исследования не позволили бы установить этот весьма любопытный факт.

и интерпретация. — «Сов. археология», 1970, № 2; Л. С. Клейн. Проблема определения археологической культуры. — Там же; Ю. Н. Захарук. Историзм: проблемы археологии и этнографии. — «Конференция „Историзм археологии: методологические проблемы“. Тезисы докладов».

⁶ См., например, литературу в сноске 5.

⁷ Одну из сводок различных мнений в зарубежной литературе см. A. L. Kroeber, C. Kluckhohn. Culture, a critical review of concepts and definition. — «Papers of the Peabody Museum», v. 46, № 1, Harvard, 1952.

⁸ Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1964, с. 11—13, 58—62; *его же*. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 76—85.

⁹ I. Rouse. The place of «peoples» in prehistoric research. — «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», v. 95, pt. 1, 1965 p. 5.

¹⁰ «Народы Сибири» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.—Л., 1956, с. 899, 900.

¹¹ E. Winter. The aboriginal political structure of Bwamba. — «Tribes Without Rulers». London, 1958.

Таким образом, ясно, что АК может лишь частично отражать определенную локальную культуру и соответственно ее границы. К тому же в самой процедуре выделения любой конкретной АК неизбежно заложены определенный элемент субъективности. В живой реальности крайне редки случаи, когда локальная культура могла бы быть выделена, географически или хронологически, с полной дискретностью. Обычно разные ее компоненты имеют не вполне совпадающие между собой ареалы распространения и длительности бытования. Перед исследователем АК предстает в виде совокупности отдельных памятников (захоронений, стоянок и пр.), в которых соотношение традиции данной локальной культуры и других контактирующих с ней культур может быть различным. К тому же уже указанная неизбежная неполнота выражения всей целостности культуры в материалах АК может исказить впечатление о реальном соотношении этих традиций. Поэтому исследователь, перед которым поставлена задача проведения дискретной границы, однозначного отнесения данного памятника или предмета к той или иной АК, в своем суждении неизбежно будет прояслять определенную субъективность, своего рода «культуроцентризм», связанный с тем, от какого комплекса ранее известных ему культурных традиций он отталкивается в своих поисках. В этом отношении показательна многолетняя дискуссия об этнической принадлежности катакомбных погребений, распространившихся на Северном Кавказе в первые века нашей эры. В то время как одни исследователи связывают их с ираноязычными аланами, другие отстаивают их принадлежность местным этносам¹².

В силу той же особенности АК, представляющей собой совокупность лишь некоторых и к тому же фрагментированных компонентов данной локальной культуры, само ее выделение не может не производиться в различных случаях по разным показателям и на различных таксономических уровнях. Поэтому в одних, правда весьма редких, случаях АК может отражать целый хозяйственно-культурный тип (ХКТ), в других — его отдельные локальные варианты, в третьих — быть связана преимущественно с историко-культурной общностью, сформировавшейся в рамках древней историко-этнографической области (ИЭО) или ее отдельных районов. Во всех этих случаях АК может охватывать не только один, но и несколько различных, лишь более или менее сближающихся в отдельных элементах своей культуры этносов. Точно также не исключено, что некое этническое единство может оказаться представленным не одной, а несколькими АК¹³.

Примером АК, отражающей определенный ХКТ, нам представляется «арктическая традиция малых орудий» (Arctic small tool tradition), отражающая ранние этапы адаптации к приморскому охотничьему образу жизни¹⁴. Напротив, индейцы кри, представлявшие собой определенное лингвистическое единство, в хозяйственно-культурном отношении делились на различные четко обособленные группы¹⁵. Если бы изучавший их археолог не располагал иными данными, он бы, возможно, выделил для них несколько АК, соответствующих различным этносам. Древние ИЭО, возможно, отражены в таких АК, как ямочно-гребенчатой керамики, древнеямная или андроновская.

Обращаясь к данным этнографии, можно указать, что по материальной культуре, в особенности сохраняющейся археологически, совре-

¹² Ср., например: В. А. Кузнецов. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—VIII вв.— «Сов. археология», 1973, № 2; М. П. Абрамова. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа.— «Сов. археология», 1978, № 1.

¹³ Подробно об этом см. С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов. Указ. раб.

¹⁴ D. E. Dumond. Coastal adaptation and cultural change in Alaskan Eskimo prehistory.— «Prehistoric Maritime Adaptations of the Circumpolar Zone». The Hague—Paris, 1975.

¹⁵ «Народы Америки», 1 (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1959, с. 171 сл.

менное население многих районов Дагестана более однородно, чем население Грузии. Поэтому и в археологической реконструкции, исходящей из отождествления АК и этноса, население Дагестана представлялось бы гораздо более этнически однородным, чем население Грузии, и уж во всяком случае, чем оно есть на самом деле.

Эта крайняя вариабельность и многозначность возможных интерпретаций АК уже в течение ряда лет отмечается некоторыми археологами¹⁶. Поэтому раздаются голоса о необходимости более дробной и детальной таксономии археологических понятий, связанных с АК. Однако пока что критерии построения такой таксономии остаются дискуссионными, и, что особенно важно отметить, совершенно неясно, в какой мере подобные критерии и созданные на их основе иерархии археологических понятий могут претендовать на универсальность.

Второй комплекс вопросов, связанных с археологическими критериями этнической специфики, относится уже к сфере этнографии и заключается в том, как понимать сущность этносов в первобытных и раннеклассовых обществах. До сих пор многие археологи полагают, что этносы первобытного общества представляли собой племена, достаточно четко различающиеся между собой по всем основным компонентам культуры. Выражения типа «племя (или племена) — носитель (носители) такой-то АК» постоянно встречаются на страницах археологических публикаций. Так, например, Г. П. Григорьев, предполагающий наличие предплемен в эпоху мустье и племен в верхнем палеолите, еще сравнительно недавно прямо писал, что следует «весьма распространенному, пожалуй даже общепринятому в археологии постулату, что археологической культуре в первобытном обществе соответствует социальное объединение людей, основанное на осознании ими близкого родства (не в нашем, современном, смысле слова), единства, которое, судя по занимаемой территории, по количеству населения примерно соответствовало племенам»¹⁷. На самом деле все значительно сложнее.

Этническая гетерогенность вплоть до наших дней является формой существования человеческого общества и возникает если не с появлением рода *Номо*, то с появлением вида *Номо sapiens*. В то же время этнос — это категория историческая, зародившаяся и развивавшаяся в ходе общемировой социально-культурной эволюции человечества¹⁸. Между тем еще нередко попытки смотреть на этнос и этнические общности прошлого сквозь призму современной этнической ситуации, с характерными для нее четко отграниченными друг от друга этносами (хотя и в современности можно найти немало исключений из этого правила). Однако многочисленные факты говорят о том, что в более ранние эпохи, особенно в первобытности, и сами этносы были менее дискретны, менее четко отгорожены друг от друга, и самосознание, отражающее их единство, выступало не столько как специфически этническое, сколько слитно и нераздельно с осознанием других характеристик данной группы — социальных, кровнородственных, религиозных, хозяйственных, языковых и т. д.

Надо отметить также, что все еще недостаточно изучен вопрос о самом характере этносов и их структуры в первобытном обществе. Например, в последнее время выражаются довольно обоснованные сомнения в универсальности таких его категорий, как род и племя. Так, еще недавно считалось почти аксиоматичным, что племя было главной этнической единицей развитой первобытности и одной из ведущих форм ее социальной и потестарной организации. Между тем выясняется, что даже этни-

¹⁶ См., например, А. А. Формозов. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977, с. 5, 6.

¹⁷ Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение *Номо sapiens*. Л., 1968, с. 8.

¹⁸ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 35 сл.

ческие границы племени подчас весьма расплывчаты (сошлемся в качестве примера на папуасов Новой Гвинеи или на аборигенные народы Сибири)¹⁹, а племя как форма потестарной организации зачастую возникает из более аморфных этнических групп в результате давления на них более развитых, в том числе классовых, обществ, влияющих на более отсталые²⁰.

В тех случаях, когда в процессе реконструкции этнической структуры первобытного или раннеклассового общества на него экстраполируются представления о стабильных и четко отграниченных друг от друга этнических единицах, преобладающих в современном мире, необходимо вспомнить о широко распространенных, но не пользующихся большим вниманием случаях этнической текучести. Этнографически хорошо известные этносы различных народов Сибири, кочевников Центральной Азии и других регионов находились по существу в постоянном процессе перекомпоновки, перехода отдельных групп и целых родов из одного этноса в другой, слияния мелких общностей и дробления более крупных. Эти весьма динамичные процессы не отражали, однако, столь же высокой динамичности культуры во всей ее целостности. Напротив, скорее фундаментальное единство основ культуры на широких территориях было одним из факторов, способствовавших довольно быстрой и легкой смене этнической принадлежности у отдельных групп в ходе межэтнических контактов²¹.

Разумеется, констатация большой диффузности этнических подразделений человечества, находящихся на стадии первобытнообщинного строя и даже раннеклассового общества, вовсе не означает отрицания самого существования подобных подразделений. Нам представляется, однако, что в качестве основной структурной единицы таких подразделений выступают не племена, а более широкие и менее дискретные образования, для обозначения которых был предложен термин «соплеменности» и которые могут либо иметь внутреннюю племенную структуру, либо быть лишены ее. Учитывая исследования последних лет, мы полагаем, что структура таких соплеменностей в основном представлена малыми сгустками коммуникационных и хозяйственных связей, соответствующих базисным хозяйственным коллективам (родовым или соседским общинам, локальным поселкам, бродячим группам и т. д.). Особенностью этих сравнительно слабо связанных между собой коллективов, как правило, является некоторое единство по нескольким из целого ряда возможных параметров — по языку²², территории, хозяйственно-культурному типу, брачным связям, по осознанию своего отличия от других подобных групп, по культово-мифологической и генеалогической специфике и т. д. Таким образом, мы полагаем, что для определения парадигмы единства, лежащего в основе первобытных соплеменностей, может и должен быть положен дизъюнктивный принцип логики. «Глубокий смысл таких формулировок в том, что часто мы имеем дело с инвариантом, который не лежит на поверхности, но может, однако, быть зафиксированным в разных ипостасях, по видимости достаточно далеких друг от друга или же действительно далеких друг от друга, но идентичных, с точки зрения интересующего нас эффекта, и взаимно компенсирующих друг друга»²³.

¹⁹ Н. А. Бутинов. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968, с. 24, сл.; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — ТИЭ, т. V, М., 1960, с. 619 и др.

²⁰ М. Н. Fried. The notion of tribe. Menlo Park, 1975.

²¹ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — «Расы и народы», т. 2. М., 1972, с. 23, 24.

²² Общность языка как обязательный признак соплеменности вызывает у нас сомнения. Ср. Д. А. Ольдерогге. Проблемы этнической истории Африки. — «Этническая история Африки». М., 1977, с. 7.

²³ Н. Н. Ревзин. Об индуктивных определениях в исторических науках. — «Труды по знаковым системам», VIII, Тарту, 1977, с. 35.

Все отмеченные обстоятельства делают проблему выделения археологических критериев этноса очень сложной, хотя, естественно, и не могут уменьшить ее актуальности. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть неправомерность все еще встречающихся иногда попыток выделения этноса на основе отдельно взятых элементов культуры, будь то погребальный обряд, форма каменных орудий или тип керамики и ее орнаментация. Многочисленные данные этнографии позволяют утверждать, что и эти, и любые другие элементы материальной и духовной культуры могут либо не охватывать этнос полностью, либо существовать также и за его пределами.

Изложенные соображения приводят нас к двум выводам. Во-первых, в принципе не приходится говорить об универсальной возможности абсолютно достоверного отождествления какой-либо совокупности археологических памятников (на практике чаще всего выражающейся в форме АК или ее локальных вариантов) с любым видом предполагаемого этноса до эпохи возникновения цивилизаций. Можно лишь ставить вопрос о большей или меньшей вероятности их относительно полного совпадения и об обуславливающих их причинах. В каждом отдельном случае эта вероятность не может достичь 100%-ного уровня, как, впрочем, по-видимому, не может и упасть до нуля, потому что возможность совпадения этноса и АК, несмотря на моменты, свидетельствующие скорее против их отождествления, полностью, очевидно, никогда не может быть исключена. Во-вторых, невозможность абсолютного отождествления АК и этноса влечет за собой такую же невозможность дать какие-либо общие и пригодные на все случаи рецепты такого отождествления, позволяя лишь выделить отдельные факторы и ситуации, которые могут влиять на его достоверность как в сторону ее повышения, так и в сторону ее понижения. В любом случае, однако, предполагаемое отождествление требует комплексного рассмотрения всех имеющихся археологических материалов, притом не в виде механической суммы отдельных факторов, а именно в качестве взаимосвязанного комплекса.

Для понимания того, какие признаки повышают вероятность отождествления этноса и АК, а какие снижают его, необходимо вновь вернуться к культуре и функциональному значению этноса в ней. Если мы определяем культуру как совокупность способов и результатов человеческой деятельности, то ее соответственно надо понимать как универсальный механизм адаптации, который заменил у человека как у социального существа те биологические эволюционные механизмы адаптации, которые присущи всем прочим живым существам.

Разумеется, было бы ошибочно на основании адаптационной роли этнической культуры рассматривать этнос как биологическую категорию. Специфичность человека по сравнению с остальной живой природой в том и состоит, что адаптивные реакции, которые в остальной природе осуществляются при помощи биологических механизмов, у человека в основном осуществляются при помощи внебиологических, т. е. культурных механизмов. Однако сами по себе эти реакции, направленные в конечном счете на выживание и процветание данной популяции, а следовательно, и вида, во многом тождественны. Поэтому обслуживающие их механизмы могут рассматриваться как изоморфные или аналогичные, но не тождественные. Этнос, являвшийся в первобытных обществах одним из средств выражения и оформления локальной культуры, был для данной человеческой группы механизмом приспособления к определенной природной и социальной нише.

Нужно только иметь в виду, что подобная ниша в применении к человеческой группе (популяции) определяется не только природными, но и социальными характеристиками. Так, например, особенности сванского этноса, такие как разведение местных пород скота, использование особых охотничьих орудий и приемов или средств транспорта являлись

специфической приспособительной реакцией на природные условия среды. Но такие его культурные черты, как оборонительные башни, можно считать приспособительной реакцией на социальные условия (угроза феодального закабаления, институт кровной мести). Также социальными и историко-политическими условиями более широкого плана, косвенно преломляющимися в культуре и самосознании сванов, определялись такие разноплановые явления, как сохранение определенной архитектурной специфики или особенностей орнамента, не имеющих прямого практического значения, с одной стороны, или осознание этнического или конфессионального единства с другими группами грузинского этноса — с другой.

Все эти признаки, имеющие этноинтегрирующее или этнодифференцирующее значение, были приспособительными в данных природных и социально-исторических условиях. Однако если бы эти условия пришлось реконструировать археологически, очевидно, были бы замечены прежде всего этнодифференцирующие признаки, и роль их, скорее всего, была бы преувеличена, а этноинтегрирующие признаки могли бы остаться незамеченными. На ранних этапах развития, в эпоху расцвета первобытнообщинного строя, приспособительный характер этнической культуры выступает еще более ярко.

Исходя из этого, можно считать, что если конкретная АК сменяется на данной территории при сохраняющихся неизменными природно-климатических условиях другой, стоящей на том же уровне социального развития, относящейся к тому же ХКТ, т. е. имеющей те же приспособительные функции, но все же иначе окрашенной (имеющей другую орнаментику, обрядность и т. д.), то в этом случае есть определенные основания говорить о смене этноса, об этнических различиях.

Однако если изменения в характере АК связаны с изменениями природно-климатических условий на данной территории или же позволяют говорить о смене одного ХКТ другим, или просто отражают общее развитие производительных сил общества, то вероятность усмотреть в них смену этноса гораздо меньше.

Так, если мы обратимся к материалам японского неолита, то увидим, что на протяжении ряда тысячелетий он укладывается в одну большую общность археологических культур — дзёмон («веревочный узор»). Помимо керамики с таким узором дзёмон характеризуется особым ХКТ, ориентированным на прибрежные районы и базировавшимся на сочетании охоты, рыболовства и собирательства. Орудия труда, типы жилищ и даже основные категории ритуальных предметов на протяжении всего времени бытования дзёмона были весьма стабильны²⁴. Однако все это отнюдь не исключает возможности того, что носители культур дзёмон в разных районах Японии принадлежали к различным языковым группам, имели различное этническое происхождение. Более того, по ряду соображений неархеологического характера вероятность этого очень велика²⁵.

В рамках дзёмона выделяется большое число локальных и диахронически сменяющих друг друга культур (или, если угодно, локальных вариантов), различающихся в основном по орнаментации керамики. Они могут означать перегруппировку отдельных соплеменностей или каких-то групп иного порядка, рост одних из них и упадок других, но не дают оснований говорить о существенных этнических сдвигах в эту эпоху.

²⁴ А. П. Окладников. О древнейшем населении Японских островов и его культуре. — «Сов. этнография», 1946, № 1; М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958, с. 271, 272.

²⁵ С. А. Арутюнов. Этническая история Японии на рубеже нашей эры. — «Восточно-азиатский этнографический сборник», II. М., 1961, с. 138—140.

С появлением в Японии производящего хозяйства (рисоводства) культура дзёмон постепенно сменяется культурой яёи, с совсем иным типом керамики и иным характером орудий. Культура яёи, очевидно, связана своими истоками с территорией Кореи, и ее проникновение в Японию скорее всего произошло путем переселения некоторой этнической чужеродной группы. Однако постепенная, правда и довольно быстрая, смена черт дзёмона чертами яёи на всей территории Японии отнюдь не обязательно означала столь же быструю смену языка и этнической принадлежности. По-видимому, в первую очередь она была связана с быстрым распространением нового ХКТ, основанного на производящем хозяйстве.

Следует подчеркнуть, что если возможность отождествления АК с каким-либо этносом вообще очень ограничена, то еще меньше шансов на успех у попыток отождествления какого-либо АК бесписьменного доклассового общества с конкретной этнолингвистической общностью или какой-либо иной классификационной категорией, существующей в настоящее время или реконструируемой в прошлом, будь то индоевропейцы, семиты, тунгусо-маньчжуры, тюрки или же хурриты, гипотетическая кавказская языковая общность и т. д. Даже в отношении эскимосов, дающих уникальный пример современного совпадения этноязыковых и культурно-хозяйственных границ, мы не можем быть уверенными, что носители культур, условно называемых древнеэскимосскими, действительно говорили на эскимосском языке.

На Алеутских островах имеются памятники, позволяющие говорить о непрерывном развитии преемственной хозяйственно-культурной традиции на протяжении около 8 тыс. лет, причем эта традиция существенно отлична от той, которую принято называть эскимосской²⁶. В то же время несомненно, что в столь давнее время особого алеутского языка просто не могло существовать — разделение эскимосского и алеутского языка из их единой основы относится к гораздо более позднему времени²⁷. Следовательно, несомненно, что на Алеутских островах какой-то доалеутский язык сменился алеутским, но момент этого этнического сдвига археологически никак не фиксируется.

Все сказанное отнюдь не означает, что следует вообще отказаться от попыток видеть в АК какую-либо конкретную локально-историческую общность. Если само выделение АК произведено правомерно, с соблюдением определенной таксономической иерархии и привлечением достаточных культурно-исторических критериев, то сопоставление АК, соседствующих в пространстве и сменяющих друг друга во времени, позволяет выявить тенденции и границы культурной общности и преемственности, развитие и распространение не только отдельных элементов культуры, но и их взаимосвязанных комплексов. Дело лишь в том, что в одних случаях эта общность и преемственность может действительно отражать также и этническую общность и преемственность, а в других, более частных, может ее и не отражать.

По изложенным причинам сам вопрос о методах выделения этнической специфики на археологическом материале и тем более об отождествлении этого материала с конкретными этносами или этническими группами становится перспективнее лишь применительно к более поздним историческим периодам, в социологическом отношении соответствующим эпохе классового образования или эпохе раннеклассовых обществ.

²⁶ W. S. Laughlin. Human Migration and Prehistoric Occupation in Bering Sea Area.— «The Bering Land Bridge». Stanford, 1967, p. 409—450; W. S. Laughlin, Y. S. Aigner. Aleut Adaptation and Evolution.— «Prehistoric Maritime Adaptation of the Circumpolar Zone». The Hague—Paris, 1975; А. П. Окладников, Р. С. Васильевский. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976, с. 68—74, 84—86, 104—108.

²⁷ М. Сводеш. Лексикостатическое датирование доисторических этнических контактов на материале племен эскимосов и североамериканских алеутов.— «Новое в лингвистике», в. 1, М., 1960.

Из этих методов хотелось бы остановиться на двух, давно уже применяющихся на практике, но и в настоящее время, по-видимому, остающихся ведущими. Первый из них связан с отождествлением определенных АК или определенных категорий археологических памятников с конкретными этническими наименованиями и соответствующей территорией их распространения, разумеется, в тех случаях, когда эти наименования нашли то или иное отражение в письменных источниках. Второй метод — ретроспективный, ставящий своей целью связать археологические памятники, достоверно отождествляемые историческим и этнографическим материалом, с тем или иным этносом, с предшествующими им АК. Известная эффективность этих методов давно уже доказана на практике. Тем не менее мы все же хотели бы обратить внимание на то, что и их возможности не следует переоценивать, что, применяя их, исследователь также сталкивается с целым рядом трудностей.

Применительно к первому методу необходимо прежде всего учитывать сам характер фиксации этнонима, чаще всего доходящего до нас в иноэтничной и иноязычной традиции, уже поэтому неполной и неточной. Кроме того, определение этноса в древности нередко производилось по случайным и второстепенным признакам. Небесполезно напомнить, что термин «этнос» в древнегреческом языке имеет свыше десяти значений — среди них такие, как народ, племя, толпа, стадо, сословие, социальная группа, класс и т. д.²⁸. Поэтому не всегда можно быть уверенным в том, что этнические наименования, сохранившиеся в древних письменных источниках, действительно отражают реальные этносы в современном этнографическом понимании этого термина, а не какие-либо иные группировки, например социально-политические. Это трудности, сопряженные с характером письменного источника. Наряду с ними имеются и другие, связанные с характером археологического источника. Это прежде всего отсутствие уверенности в том, что данный этнос совпадает с соответствующей АК. Приведем примеры того, к чему это приводит на практике.

Римские авторы довольно подробно описали расселение каждого из германских племен и очертили общую территорию их распространения. В археологическом отношении территория расселения древнегерманских племен хорошо изучена. При этом на ней выявлены различные АК или их локальные варианты. Тем не менее все попытки связать данные письменных источников с археологическим материалом до сих пор терпели неудачу. Более того, даже немногие, казалось бы, твердо установленные факты также стали подвергаться обоснованным сомнениям. Так, считалось, что границей между германцами и кельтами был Рейн. Об этом писал Цезарь, и археологи находили его словам соответствующее подтверждение в археологическом материале. Но совсем недавно выяснилось, что на самом деле между кельтами и германцами существовал еще один этнический массив, не отмеченный в письменных источниках и, может быть, поэтому так долго не выделявшийся археологически²⁹.

Еще пример. Геродот и другие авторы оставили довольно подробное описание этнической картины юга Восточной Европы в скифское время. Археологи раскопали тысячи погребений и поселений этого времени, выделили археологические культуры и их локальные варианты. И тем не менее мы до сих пор не в состоянии сколько-нибудь надежно связать древние этнонимы с конкретными археологическими памятниками, определить, где жили скифы-пахари, скифы-земледельцы, не говоря уже об андрофагах, будинах, неврах, меланхленах и других, вы-

²⁸ Ю. К. Поплинский. К истории возникновения термина «этнос». — «Сов. этнография», 1973, № 1.

²⁹ R. Hachmann, G. Kossack, H. Kühn. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster, 1962.

явить, что они представляли собой на самом деле — действительно этносы или какие-то потестарно-политические объединения.

Ретроспективный метод также обладает ограниченными возможностями. С одной стороны, преемственность археологического развития не всегда означает этническую преемственность, особенно когда она выражается в столь неуловимых на археологическом материале признаках, как язык или самосознание. Миграции и расселения не столь уж часто фиксируются археологически³⁰. Так, например, невозможно проследить археологически проникновение в Месопотамию аккадцев, амореев и арамеев, и это несмотря на то, что первая и третья волны полностью сменили язык местного населения; кутийское завоевание также оставило лишь ничтожные следы³¹. С другой стороны, резкая смена АК не всегда связана со сменой этносов на данной территории, а может вызываться хозяйственными и (или) социальными сдвигами, внешними воздействиями, изменением политической обстановки и другими факторами. Например, неоднократная и довольно резкая смена археологических культур на юге Восточной Европы во второй половине I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. вовсе не обязательно должна была сопровождаться столь же резкой сменой этнического состава его населения.

Наконец, необходимо учитывать еще одно и очень важное обстоятельство. Этногенез любого народа отнюдь не является плавным эволюционным процессом. Соответственно такие его элементы, как самосознание, язык, материальная и духовная культура и т. д., формируются исторически и уже поэтому подвержены изменениям, притом не обязательно одновременно и однонаправленно. Поскольку археология фиксирует лишь отдельные компоненты этноса, то возможности ретроспекции увеличиваются в периоды плавного развития и значительно уменьшаются там, где мы имеем дело с перерывами в постепенности. Ретроспективный метод позволяет убедительно связать определенные археологические находки со славянами вплоть до середины I тысячелетия н. э., но далее начинается область гипотез и споров. По нашему мнению, это объективное обстоятельство является также одной из причин дискуссии о роли ираноязычного и местного кавказского элементов в этногенезе осетин, споров об этногенезе румын и т. д.

В заключение еще об одном методе, получающем в последнее время все большее распространение, методе, который можно условно назвать топонимическим, основанном на отождествлении археологических материалов с данными топонимики. На наш взгляд, он имеет ряд преимуществ перед перечисленными. Данные языка сравнительно объективны и не зависят от субъективных позиций и знаний древних авторов. Однако и у этого метода есть свои недостатки. «Опасно скороспелое искусственное привязывание топонимических данных к археологическим или обратно»³². Во-первых, язык и этнос совпадают далеко не всегда и не во всем. Во-вторых, «наличие или отсутствие какого-либо факта в топонимии данной территории еще не доказывает, что этот факт наличествовал или отсутствовал на данной территории в языке вне топонимии»³³. Кроме того, топонимический метод имеет лишь ограниченные хронологические возможности. Топонимика надежно зафиксировала, например, наличие ираноязычных наименований на части лесостепной полосы юга Восточной Европы³⁴. Но мы далеко не всегда можем опре-

³⁰ Л. С. Клейн. Археологические признаки миграции — «Х МКАЭН. Доклады советской делегации». М., 1973.

³¹ И. М. Дьяконов. Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса). — «История иранского государства и культуры». М., 1971, с. 126, 146, прим. 16.

³² В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, с. 166.

³³ Там же.

³⁴ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.

делить, когда именно они там появились: то ли в сарматское время, то ли в скифское, то ли даже в эпоху бронзы.

Мы изложили некоторые соображения по поводу проблемы археологических критериев этнической специфики, которые сейчас в той или иной мере разделяются некоторыми этнографами и археологами. Эти соображения об ограниченной возможности археологических материалов (как, впрочем, и данных любых других наук, включая этнографию) для палеоэтнических реконструкций могут показаться слишком пессимистическими. Но, на наш взгляд, они соответствуют объективному положению дел. Во всяком случае, они должны больше побуждать к дальнейшим поискам, чем малооправданный и беспочвенный оптимизм, покоящийся скорее на желании, чем на достоверных и апробированных методах исследования. Как говорили древние, *audiat et altera pars*.

THE PROBLEM OF ARCHAEOLOGICAL CRITERIA OF ETHNIC SPECIFICITY

The paper raises the question as to whether it is permissible to identify archaeological cultures with ethnic communities. This problem is associated with two different groups of questions. The first group involves the nature of the archaeological culture as such. The authors consider that in each case archaeological cultures are distinguished by different criteria and that the realities they represent may correspondingly differ in type.

The second group of questions concerns the concept of *ethnos*. Doubt is expressed as to whether the concept of tribe may legitimately be applied to all the forms of ethnic community of the primitive and pre-class periods. The deeper we delve into the past, the more discrete appear to have been both the *ethnoses* themselves and the forms in which they actually existed. Hence we may only speak of the degree of probability of an *ethnos* coinciding with an archaeological culture, this degree of probability being different for each concrete case. An archaeological culture may become transformed not only with changes in the *ethnos*, but also with modifications of the environment, of the economic structure, with the evolution of social organization, with the impact of various other factors.

A number of control methods exist which make archaeological and ethnic comparisons somewhat more reliable, but these too have their limitations. On the whole, it is only complex factual data and corresponding methods of investigation that can make concrete ethnographic reconstructions valid.